

Расшифровка интервью

Дата: 17.03.2018

00:00:08

Нэлли Рудольфовна, расскажите, пожалуйста, про Вашего папу. Откуда он? Где он родился?

С самого начала?

00:00:13

С самого начала, да.

Отец родился в Латвии. Забыла... сейчас Лифляндская, кажется, область.

00:00:22

Не важно.

Ну, на хуторе. Хутор — это один дом, а вокруг лес. Я там была, но после смерти папы уже. [Родился] в большой семье, по-моему, человек 7-10 было. У меня даже был список, но куда-то дела, не знаю, [список] всех его братьев. В основном братья были и сестра, или две сестры. В школу они ездили на лошади, у них была лошадь. Я в школе тоже была этой, довольно далеко. Я была зимой, поэтому, может быть, летом пешком ходили, не знаю, но на лошади [ездили] в школу. Школа очень хорошая, и считается, что одна из лучших в Латвии школа. Туда съезжались все на лошадях ученики, потому что с хуторов все. Отец разговаривал по-русски, мать русского языка не знала. Когда мы переехали, отец был переводчиком, чтобы нам поговорить. Он, вроде, окончил гимназию, 7 классов. Но это не теперешние 7 классов, а, вроде как, «десятилетки». Видимо там другая программа была, потому что отец был очень грамотным человеком. И одно время он, вот, как он попал в Великие Луги, точно я не знаю, но, вроде, они призваны были в армию, и его друг еще, сосед по... это отец моей двоюродной сестры. Они там двое дружили, двое поступили в армию советскую. И, когда стали делить Прибалтику и Россию, они остались в России, но, видимо, их часть была в Великих Лугах, и он там и осел. И дядя Юля, и он там и осел. Там они и женились на двух сестрах. Потом, значит, что еще там... да, там он работал РЭЭОН. То есть он вел, ну, как же называется [для] безграмотных...ликбез! Моя бабушка — она была действительно безграмотная. Ну и все над ним подтрунивали, что свою-то родственницу мог научить. Но, видимо, он неплохо учил, потому что я знаю, что отец был очень умным человеком, очень умным. Он много знал, знал, потому что Великие Луги, это было до войны, это развитый городок. И, вот сейчас не помню, какой-то ученый подарил свою библиотеку в Великие Луги. [Подарена была] переводная литература, поэтому мама читала много, отец много читал, поэтому, действительно, они были очень умные люди. Кроме того, что он был умный, он был очень честный. Вот эта честность доходила до смешного. Я приведу пример. Первый, значит, [пример]: я была уже, он работал... сначала он работал кочегаром на паровозе, потом помощником машиниста, а потом что-то у него с желудком было и его перевели на [должность] «уполномоченный по заготовкам при Октябрьской железной дороге», или как-то иначе потом она называлась. Ну, Октябрьской железной дороги. Когда, говорю, при мне это случилось, заготавливал он селедку. Ну, где-то... я сейчас не помню где. И тут я подбежала, чтобы пригласить его домой, обедать, что ли. Отец никогда не ругался, а я подбежала так, что... он не любил, когда я приходила на работу, поэтому я так [приходила], чтобы он не видел, потому что они разговаривали с кем-то. И речь шла о селедке в бочках, что в бочке селедка немножко испортилась. Хозяин этой бочки, или кто там заготовитель, он говорит: «Да ничего! Работникам сойдет». И он назвал какой-то сорт селедки. И тут отец в первый раз выругался. Выругался, видимо, каким-то... но не матом, это точно, но каким-то нехорошим словом назвал: «Как ты можешь так говорить! Это же селедка будет людям, которые работают. А ты будешь им подсовывать такое». Это первый случай был. Я после этого долго старалась не показываться с отцом. Мне было за него стыдно! Вот, бывает так, что взял и выругался. Второй случай, значит, был такой: они заказывали где-то конфетки. Я помню такие коробки и конфеты, много-много. Вот как заказывают, чтобы отправить в Ленинград. И я знаю, что он был молодой человек, он угостил меня конфеткой... как отец стал ругаться: «Ты что! Как ты можешь? Это что, твое?» Слушайте, мне так было страшно тоже, и, главное, конфетку-то я уже надкусила, отдать-то не могла ее. И я убежала. Вот, такие даже случаи, эта честность такая, она действительно [была]. Ну, подумаешь, ребенка угостил конфеткой, ничего страшного не было бы. Даже если бы там взвесили, не хватило бы там двух грамм. Он был очень чистоплотный: признавал только белые рубашки, накрахмаленные и при галстучке. Когда приходил с паровоза — сразу купался. Поскольку мы жили там, где не было душа, у нас было большое корыто. И мама его в этом корыте купала, и он сразу надевал что-

нибудь светленькое на себя, чтобы с паровоза все черненькое... и светленькое. И не помню, чтобы у него рубашки были темные, ну, как обычно человек работает... грязная работа. Дома он будет носить только белое и только накрахмаленные. Я помню, как накрахмаленные были, и мы вдевали туда... как называются?

00:08:24

Запонки.

Запонки! Поэтому я знаю, что они всегда были сильно-сильно накрахмаленные. В общем, очень чистоплотный был. И еще у него была... Он любил покушать, но никогда ни от кого ничего не требовал. Любил вкусенько покушать, но это не все! Он еще любил, чтобы приготовлено на столе все было очень красиво. Винегрет — это обязательное блюдо, если гости приходили — обязательно, и так тоже. Что в винегрет? В винегрет: морковочка, свекла, то ли репа, то ли, в общем-то, желтенькое что-то. И что он делал? Он мелко-мелко, очень красиво нарезал винегрет, а потом из оставшегося он вырезал розочку. Это было изумительно! Я попросила, он меня тоже научил. Сейчас, конечно, я уже не вырежу, руки такие, а [раннее] тоже вырезала. Вот маме было все равно, поэтому она никогда не принимала участие. Раз ты хочешь, давай, устанавливай как хочешь, но она не принимала участие, чтобы прям накрыть на стол. Вот это у него тоже было. Откуда — не знаю, потому что хутор — это маленькая деревушка, даже хуже, чем деревушка. А вот у него такое было, видимо, врожденное: любовь к чистоте, любовь к красоте. Еще у него был абсолютный слух. Играл он буквально на всех инструментах. Единственное, у нас не было пианино, но я поняла потом, как-то, что они ходят в Ленинграде в клуб, по-моему, «Гудок» назывался, клуб железнодорожников. И там было пианино, и он всегда подыгрывал. Потом уж он расправлял пальцы, уставали видимо у него. А дома, слушайте, я уже не знаю сейчас, сколько инструментов было, но первое — это он еще с хутора привес — скрипка. Эта скрипка была для нас табу: все, не трогать, не смотреть в ту сторону, где она висит. А нам так хотелось немножко поиграть на скрипке. Даже не так, а... Была гитара, была мандолина, ну, балалайку он как-то не любил. Ну, была балалайка, но потом куда-то исчезла, не знаю. Потом он сам сделал цитру. Не знаете, что такое цитра? Это такое плоское [приспособление], натянутые струны, много-много, а потом вот так вот клавиши. Одной рукой на клавиши нажимаешь, а другой играешь. Потом еще какой-то, сейчас уже не помню, какой-то еще инструмент сам делал тоже. А еще были у нас... ну, проверяют...

00:12:01

Камертон.

Камертон, да. И тоже, это нам нельзя было трогать. Он итак нежно, ни в коем случае. Ну, когда папа сказал «нельзя» — все! Никто никогда не протестовал. Раз «нельзя», значит «нельзя». Тут уже не выпросишь. И мы знали, что действительно нельзя. Вот это слово «нельзя» у нас было с детства, и, мне кажется, я это так до конца и оставила: нельзя — значит нельзя. Вот, и потом, значит, еще что... добросовестность. Это отец почти лекции нам читал, что нужно быть добросовестным. Я сама никогда, видимо по натуре, не могу руководить, не организатор я, не могла организовать. Но если меня чего-то просили, вспоминала папу. Раз просят, надо быть добросовестным, значит надо сделать. Это у меня осталось на всю жизнь. Если что-то просят, я уже стараюсь... между прочим, как мне хотелось отказать от вас, думаю, Валя уговорил. Почему-то он про девочек говорил, говорила.

00:13:28

Приехали мальчики.

А?

00:13:30

А приехали мальчики.

Ну, да, но думаю, что же, люди работают, это их работа. Что же я, посижу...

00:13:38

Спасибо Вам большое!

Ну, что еще об отце можно сказать.

00:13:45

А скажите, пожалуйста... да, извините. А в каком году он родился и как его звали? Вы

не сказали.

Рудольф Карлович.

00:13:55

А в каком году?

В 1895-м.

00:14:00

А мама? Как ее звали? Когда мама родилась?

Антонина Антоновна.

00:14:04

А в каком году?

А мама родилась в 1905-м.

00:14:11

А как они познакомились?

Познакомились в Великих Лугах. Там стоят отряд этих, что остались при разделе. Они не вернулись в Латвию, а остались в Великих Лугах. Ну, понятно, танцы: тут молодые, там молодые, танцы. А он еще музыкант. Видимо, значит, его там знали многие, но он с другом был. И сам, как мама рассказывает, он долго стеснялся, а друг, дядя Юля, тут был...как это слово...

00:14:57

Поактивнее.

Поактивнее. Вот он говорит: «Там две сестры. Давай познакомимся». Они и познакомились. Познакомились и поженились.

00:15:07

Нелли Рудольфовна, я хотел спросить, уточнить. Вы сказали, что, может быть, я не понял, мама не говорила по-русски. Или вы бабушку имели ввиду? Вы бабушку имели ввиду, да?

Нет, бабушка тоже говорила по-русски. Только она по-русски плохо говорила и по-латышски плохо говорила, то есть она безграмотная, и не поймешь на каком языке [говорит].

00:15:31

А, понятно, понятно.

А мама хорошо говорила по-русски, и немножко [по-латышски]. Но нас они не учили почему-то, отец не хотел. Я сейчас понимаю почему. Когда разделились... знаете, что значит «иностранцы»? Это, вроде как, что-то такое, неудобоваримое. Не надо ничего иностранного. Его друг, дядя Юля, а тот учил свою дочь, то есть мою двоюродную сестру Лилю, тот учил. Ну, с, немножко, так, чтобы она понимала. И я всегда ей завидовала, все-таки один язык, а я к языкам вообще не, как сказать... В Башкирии прожила 10 лет, так и не понимала ни башкирского, ни татарского языка.

00:16:32

Скажите, а как Ваша семья переехала из Великих Луг в Ленинград? Каким образом?

Из Великих Луг в Ленинград? Нет, не из Великих Луг.

00:16:43

А как путь [пролегал]?

Из Великих Луг отца забрали, это тридцать какие-то года, на север. Называлось поселок Медвежья гора, сейчас это большой город Медвежьегорск. А тогда поселок Медвежья Гора.

Вот так, по-моему. А с Медвежьей Горы, наверное, в Ленинград попали. А почему в Ленинград? Даже не в Ленинград, а в Петергоф... вот этого я даже не знаю. Может, там кто-то жил уже? Я знаю, что моя бабушка Мария Семеновна там жила. Потом, значит, кто к кому приехал. Все три семьи оказались в одном месте — в Петергофе. С Петергофа отца премировали квартирой в Ленинграде, как хорошего работника Октябрьской железной дороги. Премировали квартирой, но в Ленинграде уже. А в Петергофе у нас, слушайте, даже, квартира в Петергофе. Будете ехать, посмотрите на нее. Когда с Ленинграда подъезжаешь к Петергофу, то слева огромный дом — это было депо. Это депо было превращено в помещение. И на первом этаже жили мы. И вот с этого нам дали квартиру в Ленинграде. Так мы в Ленинград попали.

00:18:35

Нелли Рудольфовна, скажите, а когда Вы родились и где?

В Великих Лугах.

00:18:43

А когда?

В 1926 году, 3 февраля 1926 года. Да, сейчас скажу. Псковская губерния, Великолукский уезд, Новоскольническая волость — там немного иначе написано — город Великие Луги, имение Игрище. Почему в имении родилась: видимо принимали роды в самом имении. Когда была еще [маленькой] не спрашивала, а потом уже мне было все равно — в имении, так в имении, какая разница. Но потом я все-таки со своей подружкой, уже отсюда, решила поехать в Великие Луги, найти это имение. Думаю, я же все-таки имею имение там какое-то! Мы поехали в Великие Луги после войны. Два домика осталось только, только два. Мы видели эти два дома. С лица земли был стерт город полностью: бомбили, жгли, не знаю, но только два дома. Когда мы приехали, он был отстроен заново, то есть был новенький город, довольно зеленый. И люди были тоже другие уже, ведь в этом доме уже нельзя было жить, а так все приезжие. Мы решили — будем спрашивать с самого пожилого человека. Вот останавливаем: «Вы, пожалуйста, извините, вот так и так» — это моя подружка, конечно, [говорила], как дружны мы были! — «Вот, вы знаете, такое имение тут было — Игрище. Не знаете?». [Отвечали]: «Я не знаю». Наконец нашли какого-то старичка, который был. Он говорит: «Вы знаете, я тут жил, но про такое имение не слышал». Вот так ни с чем мы и вернулись. Где это имение... вот там я родилась. И там я была 3 годика. Это имение три года, память что-то оставила, но очень мало. Само здание я не помню, видимо, я все время спиной к нему была, но за то помню двух собак. Видимо, эти две собаки остались у меня в памяти, и я помню этот двор: огорожен забором, какой-то сарай, почему-то двухэтажный, а дом не помню. И забор был с дырочками, то есть не сплошной, чтобы можно было... и дорога, а [еще] на берегу реки. Ира, какая?

00:21:37

Ловать.

Ловать. На берегу реки Ловать. И мама рассказывала, что кошка наша... или бабушка рассказывала, нет, наверное, бабушка рассказывала, что кошка ходила на эту Ловать, когда у нее были малыши. Ловила рыбу и приносила им. Она, видимо, Ловать, была мелкая. И когда мы приехали, уже с подружкой, она говорит: «Ты хоть руку помочи в своей реке!». Ну, как обычно. Ну, что еще...

00:22:19

Скажите, когда в Ленинград Вы приехали, уже жили в Ленинграде, чем мама занималась? Где она работала? Какую должность занимала?

Нет, мама у нас вообще мало когда работала. Уже после папы только. Приехали в Ленинград... вообще-то, папа не хотел, чтобы мама работала: «Дети — занимайся ими». Две девчонки же было: я и сестра. Он очень хотел девчонок, имена давал он. У мамы было только одно имя на всякий случай — Владимир. А про девчонок она даже слушать «не хочу», а тут две девчонки. Одна и вторая, обе девчонки. Отец назвал: Неллия и Люция — это что-то с Латвии, наверное, немножко. Про [имя] Нелли я помню, что какая-то сестра у него была, когда был список у меня, но куда дела — не знаю. И, конечно, он нас любил, поскольку хотел девчонок. И, между прочим, научил меня [танцевать] вальс. Мне было 11 лет, а я уже умела танцевать вальс. Он все ждал: «Ой, когда же я пойду с тобой на танцы». Видимо, и мама и отец очень любили танцы и ходили часто в клуб. Клуб, наверное, был недалеко. Что-то мне помнится, что название «Гудок», был, по-моему, кинотеатр «Гудок»... а может и клуб тоже был как «Гудок». Жили они очень дружно с мамой, отец сам любил ее одевать. Все, что куплено было, мама шила хорошо, видимо, сама училась. Я не помню, чтобы она что-то там кончала. И отрезки можно было купить, а, видимо, готового... или он не хотел ее водить, не знаю. Но факт, что были все время

отрезы, и она сама шила себе платья — это были все время шелка. Вот я помню «креп-маникен», причем все крепы тогда модны были. Потом были у мамы шубы, шубы две, по-моему. Одна гладкая, а другая, что-то мне помнится, что назвали козлик. Вот есть такая из козлика. Для меня, конечно, было странное название. Это тоже отец сшил: «Будешь ходить в шубах». Правда, было и пальто одно. Ну, что еще про отца...

00:25:15

А Вы какие-то праздники семейные [помните]?

Знаете, что гости собирались только папины почему-то. Но мама не работала же, соседка напротив, и все, наверное. Видимо, подружек у нее было мало, она занималась с нами. Может быть, я не помню чего-то. Приезжали: тетя Нюра приезжала часто, тетя Аделя с Петергофа в Ленинград. А так, в основном, отца друзья — это с железной дороги. Я некоторых даже долго помнила, но сейчас уже забыла имена их даже. И тогда уже отец, как говорится, все, что только он умел, все украшал стол. Не стол, а прямо художественное произведение. Я уже не говорю про винегрет, там селедка была так украшена, что боялись ее кушать. Там что-то из рта у нее торчало зеленое. А мама пекла, мама хорошо пекла. Вот уже дочери говорю: «Хочу сама испечь ватрушки». Ватрушки! И я смотрела как она сначала такие катышки, потом дырочку... Это тоже было вроде наше семейное блюдо — ватрушки. Было семейное. Может еще что пекла, не знаю, а отец все украшал, все украшал, чтобы ни было, он очень любил красоту. Ну, и любил музыку, но он не пел, а мама хорошо пела. Это еще моя дочь помнит. Не то, чтобы певица была, но пела хорошо. А у отца было какое-то ранение, когда он был партизаном, ранение левой ключицы. И я помню, когда мы еще маленькими были, мама встала завтрак готовить, а мы раз и к папе на кровать. Мы старались лечь с той стороны, где у него этот шрам. Шрам был очень некрасивый, большой шрам, видимо, что-то повредило голос. Так он, раз он хороший музыкант, то и голос, безусловно, имел хороший, но мне не пришлось услышать.

00:28:04

А что, он был партизаном, да? У него был такой период? Расскажите, это в гражданскую войну когда?

Был ли он партизаном? Вы знаете, от отца я этого не слышала, от мамы только и то один раз. А, нет, вот еще. Значит, как-то отца пригласили на парад на какой-то, то есть какой-то юбилей. Он тоже меня взял, и я была тоже среди партизанов и, поскольку я была еще маленькая, наверное, может училась в школе, он меня посадил на плечи. Говорит, там, значит, помню, что это тоже партизанка наша. Видимо, он среди партизан был на дворцовой площади. И потом как-то я еще видела по телевизору эти скамейки — место для гостей. Я поняла, что он был партизаном, но рассказывать отец о себе не любил. Потом, что еще... ну, то, что они остались.

00:29:17

А у него какие-нибудь награды были, что он участвовал в это время в партизанах?

Нет, я такого не знаю. У мамы, у мамы были награды! У дочери, по-моему, сейчас за участие в отечественной в тылу. Она все время работала на фронт, были такие, завод, фабрика. Я тоже немножко работала на фронт, то есть мы шили рукавицы, знаете, с такими двумя пальцами в мастерской. Это считалось работать на фронт. Тем кто работает в этой организации давали 500 грамм хлеба, а не 400, как всем остальным. Что еще...

00:30:11

Вы говорили о том, что папа очень любил Вас и Вашу сестру. Он очень хотел девочек и любил. А вот какие-то праздники он Вам устраивал? Водил Вас?

Ой, что Вы, у нас вообще сплошной праздник был! В цирк нас водил только папа, в зоопарк водил только папа, в кино водил только папа. Мама как-то не водила нас. Между прочим, он ехал в декабре, чтобы вместе пойти купить елку, поставить эту елку, вместе украшать! 27 декабря, по-моему, пошел, и так мы и остались: и без елки и без папы. Но когда он уходил, уводили его, делали обыск у нас в квартире. Я помню, что меня так возмутило, что стали перебирать наши детские книжечки. Они лежали...ой, как же называется? Полочки.

00:31:18

Этажерка.

Вот, на этажерке. Внизу две полки были детскими книжечками [заполнены]. Отец с каждой зарплаты нес нам книжечку. И первое, что мы просили его — это прочитать. Тогда еще были безграмотными. Он учил нас грамоте по каким-то кубикам, кубики были с этими... Выучили —

хватит уже, давайте сами. И я, например, очень рано научилась читать. Мало, что читать, так еще тараторила быстро-быстро. И, когда в первом классе проверяли быстроту чтения, не правильность, не интонацию, а быстроту, всегда занимала первое место. Это тоже отец научил. Нет, он с нами очень много занимался, очень.

00:32:12

Вы говорили, что первый раз его тоже забирали, но он увернулся, да?

Да.

00:32:17

Расскажите об этом, что это было, как, когда?

Слушайте, вот этого я же не знаю.

00:32:21

Первый раз.

Может, даже без меня было.

00:32:25

Ага.

Я помню только второй раз. Я же Вам говорила, что, вроде как, с Великих Луг мы уехали к отцу, которого уже забрали и поселили в поселок Медвежья Гора, поселок. И мы жили в домике, в котором не вверх две ступеньки, а вниз две ступеньки. И называли его, здание это, там много жило.

00:33:05

Барак, землянка.

Барак, по-моему, да. И, почему-то, отец, видимо, меньше мог к нам приходить, а мимо проезжал на телеге какой-то мужчина, видимо, знакомый отца. И, когда он проезжал мимо, я всегда бежала к нему, садилась, а он уже с пустой телегой, садилась на пустую телегу. И какое-то расстояние он меня провозил, прокатывал, вот так каталась я. Потом он меня высаживал, и я бегом домой возвращалась. Но это был не отец, это был кто-то другой.

00:33:46

То есть в Медвежьегорске это была его первая ссылка, да?

Видимо, да.

00:33:52

А в каком году, с какого [числа] по какое, Вы не помните, когда он там оказался?

Нет, нет, я не помню. Сейчас уже, наверное, забыла.

00:34:01

Ага, с 1927... Вы не могли бы, пожалуйста, сказать, что в 1927 году его туда отправили, а в 1930 он вернулся обратно?

Да, конечно.

00:34:08

Скажите об этом. А, да, Вы в 1926 [родились], Вам годик был, когда его туда в 1927...

Да. Видите, я так плохо помню уже все, но я помню, что кругом лес был и болота. Почему болота помню: с мамой ходили собирать клюкву, вот эту ягоду, которую практически первую я собирала сама. Ну, что там еще..

00:34:38

А Вы не могли бы просто фразу сказать, что в первой ссылке он был в

Медвежьегорске? Вы не могли бы повторить?

Он был в Медвежьей Горе. Первая ссылка — Медвежья Гора.

00:34:51

Вить, сейчас Нелли Рудольфовна говорила эту фразу, а ты тут рассказываешь.

00:34:56

Извините ради Бога, а Вы еще раз скажите, пожалуйста, первая ссылка была в Медвежьей Горе..

Да, первая ссылка была в Медвежьей Горе — это я так считаю. А ведь, может быть, еще чего-то я не знаю. Ну, это я же еще маленькая была.

00:35:06

Да, конечно, конечно. Когда Вы сказали, что 30 декабря папу забрали, а в каком году это было? И Вы вот этот день, Вы можете вспомнить: как он на работу пошел?

Нет, он был в командировке. Он уже работал уполномоченным по заготовкам, и он приехал специально отметить Новый год к нам, по-моему, 27 декабря тогда было. Мы, конечно, его ждали, но он приехал уже под вечер. Уже легли спать, в надежде, что завтра пойдем за елкой. Вот это состояние у меня было. Сестра была еще меньше меня на 4 года все же, она может и не помнит, а я ой как хорошо [помню], как просыпаемся мы с отцом и идем на базар, за елкой. И уже я лежала в кровати, все уже спали, и, наверное, мама с папой уже лежали. Заходят. Первая зашла горничиха, у нас женщина была. Зашла горничиха, а потом, по-моему, два еще мужчины. Я помню, мама как-то, отца-то я не видела, мама изменилась вся. Видно было, что она испугалась, а дочь всегда чувствует, и я напугалась. Думаю, ну, чего же бояться-то, сама себя успокаиваю. То ли сказали они что-то, не знаю, но я очень напугалась. И первое, что они начали — обыск. Обыск, я, конечно, говорю про свои книжки, а в основном на этажерке. А там еще лежали альбомы с фотографиями: все альбомы они перелистали. Не брали полностью альбом, но, правда, они у нас были тяжеловатые такие. И очень много фотографий из альбома вытащили, точнее все фотографии отца. Каким образом у нас еще сохранилось две-три фотографии отца, я даже удивляюсь. Но, может быть, мы когда-нибудь смотрели, сами куда-нибудь забросили, потом нашли. Но в альбоме ни одной фотографии отца не осталось. И еще мужчин, может и женщин я не знаю, но мужчин ни одной фотографии не осталось там. Вот это все забрали.

00:38:13

А как они вели себя?

Вели, знаете, очень культурно. Не шумели, ничего, просто тут еще была женщина-дворник, она, правда, просто стояла, даже не прошла в квартиру, так и стояла около дверей, около выхода. А они себя хорошо вели, по-моему, где-то извинялись. И я никак не могла понять: зачем они это делают? Кто они такие? Вот, не знаю. Когда отец, видимо, им рассказали, а я в кровати сидела. Я была на диване, сестра на кровати была. Сажу, а отец говорит: «Тонечка, не переживай — это недоразумение. Я ни в чем не виноват». Все эти слова мне запечатались, потому что я не понимала, в чем дело. «Я скоро вернусь» — и его увели. Чтобы вооруженные были — не помню. По-моему, не вооруженные.

00:39:32

А он что-то Вам сказал на прощание?

Нет, он там, как говорит, мы только проснулись. Попрошался: «не переживайте». Ну, может, он всех так, но он «Тонечка» назвал маму.

00:39:51

А они когда уходили, вещи какие-то забирали, фотографии?

Ничего не забирали.

00:39:54

И описи имущества никакой не делали?

Ничего. Вернее, этого я не помню. Я помню только фотографии, только фотографии. Поэтому может забыла уже, а может меня это особо не интересовало, поэтому забыла, не знаю. Но чтобы они еще и чего-то взяли...

00:40:15

А в каком году это было?

Это был 1938 год.

00:40:23

Это был 1937 год. Скажите, пожалуйста, что это было в 1937 году.

В 1938-м его забрали, а в 1937-м он приехал. Он приехал в 1937 году в конце декабря, а забрали-то его в январе...

00:40:44

Нет, Вы же говорите его 27 декабря и забрали же сразу, перед Новым годом.

Знаете, я уже...

00:40:52

Нет, Вы же сказали об этом. И елку не смогли купить перед Новым годом.

Вы знаете, как он приехал, так его и забрали, потому что он приехал поздно. Наверное, в этот день и забрали. Может, они за ним следили, когда приедет. А потом еще мама, уже когда мы начали на эту тему разговаривать, мама считала, что это запрет: ничего об отце не надо ни спрашивать, ни говорить, никто ничего не знал. По-моему, даже и я так долго никому ничего не говорила, поэтому мы тоже не разговаривали. Когда я уже начала спрашивать, то уже, видимо, мама кое-что забыла, не знаю. Но очень мало, очень мало.

00:41:49

Это 1937 год, да?

Да.

00:41:51

А Вы могли бы «1937» произнести?

1937 год.

00:41:57

Нелли Рудольфовна, скажите, его забрали, потом наступило утро. Дальше что мама, что Вы делали? Вот, ситуация, Ваша сестра.

Утро у нас уже наступило, мы уже не спали. Мама не плакала, вот это я заметила, что она просто изменилась как-то. Не знаю, каким образом, почему. Мы лишних вопросов никогда родителям не задавали, знали, что если что-то надо, они сами скажут.

00:42:35

А вот после этого мама, наверное, как-то искала папу? Носила передачи? Что было дальше?

Слушайте, ходила. Подождите, как он там, серый дом-то.

00:42:49

Большой дом.

Нет, серый дом. Большой дом — это совсем другое. Серый дом называли. В Америке Белый дом был, а здесь он был [Серый]. Он действительно был большой, но серый. Вот в этот Серый дом приходили с передачей, во-первых, передачу брали: у кого-то брали, у кого-то нет, но в основном все-таки брали. Но обратной связи — записочка какая-нибудь — обратной связи не было, потому что, может быть, даже не передавали ничего. А потом мама писала, я не помню по какому адресу, а вот когда нас уже сослали в Башкирию, там оказалось 5, может быть я

ошибаюсь, 6 очень интеллигентных женщин из 5 семей. Я даже помню имена: мама Антонина Антоновна, потом две сестры — Анна Акимовна и Антонина Акимовна, потом Антонина Андреевна, и пятая была Валерия Северинова. Они сразу подружились, видимо, они как-то вместе ходили отмечаться, вот, где они познакомились. Раз в неделю отмечались, или раз в месяц, не знаю. В этом поселке Кушнаренково они должны были отмечаться, что мы тут, что мы никуда не уходим. Наверное, была подписка о невыезде или еще чего-нибудь такое. Это отмечание маме очень не нравилось, я помню, она так себя плохо чувствовала после того дня, как приходила после отметки. Ее Антонины Антоновны да Антонины Андреевны все: «Да пусть, да подумаешь, сходи и все». Почему-то, я не знаю, почему она так реагировала на это, что и, вроде как, заключенные что ли.

00:45:16

Нелли Рудольфовна, а как вы оказались в ссылке? К вам пришли, постановление какое-то? Как вас туда отправляли? В ссылку в Башкирию. И Когда это было? В каком году?

Сейчас, дайте подумать. Как отправляли, я помню. Мы ехали поездом, ехали поездом, ага. Жена маминого брата, значит, брат еще... или уже был... подождите. Нет, он, наверное, позже был сослан, брат-то. Потому что она одна пришла проводить нас на вокзал. И, помню, принесла маме чулки. Вы, наверное, не в курсе. Простые, что такое простые чулки, в рубчик такие. И я думаю: «Господи, зачем? Мама такие никогда не будет носить». Она решила, что там холодина, и что нашла тепленькое, то и принесла нам на вокзал. Ехали поездом, поездом пассажирским, по-моему, не в купейном вагоне, а в общем. Приехали в Уфу, в столицу Башкирии. Мы в Кушнаренково были назначены, потом мама стала искать, как добраться до Кушнаренково. Месяц был, уже... в общем, весна была. Ранняя весна. Май — это мы уже были в Кушнаренково, а сколько времени искали — не знаю. Ей сказали, что только пароходом, только по реке, иначе в Кушнаренково ничего не идет весной, потому что р. Белая так разливалась, что дороги все были грязные. Мы какой-то маленький срок подождали, когда начнут ходить пароходики, но не пароходики, парходы были большие, двухэтажные. Это считалось, что большой парход. И вот мы на этом большом парходе приехали в Кушнаренково. Там не пристань, а дебаркадер, вы знаете, которые увозят и привозят. Мы вышли, нам-то только Кушнаренково сказали, больше-то нам не к кому. Вышли, и около [дебаркадера] бревна лежали, мама говорит: «Ну, давайте посидим немножко, я отдохну». Мы сели на эти бревна, и моя мама, в шляпке и с вуалью, берет камешек и нам орехи. Ох, мне так было стыдно, думаю, господи, что ж ты там, мама-то так... Я знала, что папа тут бы сразу возмутился, что это такое. Но орехи все-таки ели. И вдруг к нам подходит женщина какая-то, правда, быстро как-то. Подходит женщина и говорит: «Вам, наверное, нужна квартира». Мама говорит: «Да, нужна». Женщина: «Идемте, я вот живу тут близко, в начале Кушнаренково, мужа у меня сейчас нет, я вам сдам комнату». И мы сразу пошли к ней, у нее было два сына, такого же возраста как и мы с Люсей: один постарше, другой помоложе. Она нам сдала комнатку, какой-то срок мы там жили. Мама сразу пошла устраиваться на работу, жить-то надо. У нее на книжке что-то было, видимо, она с этой книжки взяла, а там сказали, оставьте немножко. Я не знаю, почему банкиры стараются, чтобы немножко осталось. Она говорит: «Да зачем! Я не собиралась возвращаться, я знала, что Ленинграда мне уже не видать». Оставьте, оставьте. Она оставила сколько там, и пока мы 10 лет были в Башкирии, там росли проценты какие-то. И, когда кто-то увидел, говорили: «О, у вас книжка еще Ленинградская, пошлите, в Ленинград». Вы знаете, порядочную сумму, но не вспомню сейчас, сколько она оставила, а сколько получила. И думаю: «Господи, какая же хорошая советская власть. Позаботилась, чтобы через 10 лет отдать эти деньги, которые вообще могли не отдавать. А мы накопили даже». Приехали в Башкирию, стали жить у этой женщины. А у нее муж в тюрьме сидел по недоразумению, за кого-то сидел. Он возвратился, нам пришлось искать другую квартиру. Тут уж мы помучились. Во-первых, кто возьмет квартиранта с двумя детьми, да и довольно небольших, чтобы помогли, а только мешать будут. Одна учительница взяла ненадолго, и, помню, мама расплачивалась за квартиру шубами. Денег у нее не было, а наши шубы отдавала. Мне кажется, две шубы, а может не две, потому что отец любил ее одевать, все покупал ей. Потом все-таки она устроилась, да, она устроилась на работу — «крупорушка». Завод назывался «Крупорушка». Из овса делала крупу овсяную, это уже потом война была, для фронта. Но сначала, наверное, просто так, устроилась и работала. Потом еще куда-то... она много где работала, а почему, не знаю. То ли ее увольняли, ну, бывает так, что прикрыли и... но вот эту «Крупорушку» я помню. Был голод... вот у меня, а, нет, у меня не такие немножко, носки у нее были шерстяные. Это было не только у нее, специально, как говорится, все знали, даже те, кто проверял, но не трогали. Носки старались делать не жесткими, а пушистыми и походить в них по крупе, и крупинки все-таки там оставались. Выходя, всех проверяли, но кто будет вынимать.. Мама шла, во-первых, очень осторожненько, хорошо, что недалеко было, чтобы не дай бог не упала какая-то крупинка. Она приходила, первое, что снимала, [это носки], а мы с Люсей тут же старались повытаскивать эту [крупу]. Каши, может, не получалось, но суп был вкусный, овсянка. Вот так. Все, кто стоял, проверяя, все знали, но жалели женщину, тем более работали все с детьми. Ну, что ребенку, подумаешь, немножко крупы. А так-то не давали, чтобы дать немножко. Ну, что еще.

00:53:47

А в каком году вы поехали в Башкирию?

В 1938-м. Подождите, а в каком году я в школу поступила? Я вот думаю. 1933-й — это я уже была в Ленинграде. Значит до 1933 года. В Башкирии я была точно 10 лет, от и до. С 1938-го до 1948-й. В 1948-м приехал к нам в гости [мужчина]. С мамой переписывалась соседка наша по Ленинграду, она осталась жива, и, по-моему, муж ее тоже. А сыновья были такого же примерно возраста, они пошли на фронт, тоже оба вернулись, но старший был ранен, что-то с ногой у него было, он ходил с тросточкой. И вот приехал к нам в Башкирию в гости, а я уже работала в Ахлыстино учителем. Он говорит: «Ну, что Нелля, поехали в Ленинград? Устройся на работу где-то под Ленинградом. Там учителя сейчас очень нужны», — после войны же. Мама говорит: «Конечно, конечно». Меня не пускают. Все, нельзя. Он говорит: «Сейчас все будет». Мы пошли в ЗАГС и зарегистрировались. Он говорит: «Все, она моя жена, забираю с собой». И мы так уехали, так я и осталась замужней, не разводилась. Он меня, правда, сестрой звал, как сводная сестра. На фронт я писала всегда, связывалась. И потом долго хотела его разыскать. Почему-то вышла замуж, прервалась связь, я сразу отдалась. Связь прервалась, думаю, надо Колю найти, все-таки брат же он мне, но так и не смогла. Он с Ленинграда уехал, а хотел стать священником. Все смеется надо мной. А я все смотрю, а вдруг там, среди тех священников, что я вижу, Коля пришел. Они-то все молодые, Коля-то старше меня на 2-3 года, его уже давно в живых нет, а мне все кажется, что он там. Не знаю, стал он священником или не стал, но факт в том, что очень хотел. И мы проходили в Ленинграде, где учат...

00:56:47

Скажите, про ссылку мне хотелось [спросить]. Как вы узнали? Как вас отправили? Предписания дали? Ведь после того, как папы не стало, мама работать пошла? Кем она работала? Или не успела?

Вы знаете, она и не успела, наверное, устроиться нигде. У нее была какая-то сумма денег, это же мама только знает, я то не знаю каким образом. Я знаю, что мы пошли на вокзал и поехали в Башкирию.

00:57:22

То есть она получила, видимо, какое-то предписание?

Нас никто не выпроваживал, как говорится, а провожала сестра брата родного ее. А брата уже забрали. И забрали мужа ее сестры. Вот три семьи забрали в один же год, но в разное время. Каким образом они друг о друге узнали — не знаю. Я поняла так, что еще был из Латвии, где-то в Ташкенте, хороший знакомый, а может папин сосед, как назвать...

00:58:03

Друг.

Да. Он приезжал к нам в Ленинград, в гости. И где-то было написано или сказано, что папу забрали после того, как сначала забрали его. А у него спрашивали, видимо, фамилии и имена, так же, как и у отца. Отцу тоже пришлось рассказать о всех своих братьев и о сестрах. Спрашивают — нужно отвечать же. Я думаю, что у мамы как-то так в начале было. Потом говорили, что он не собирался выдавать отца. Собственно, выдавать — это не то слово. Что значит выдавать? У него спрашивали: какие друзья, к кому ты приезжал. Он, может быть, сказал, что недавно был в Ленинграде, там друг мой.

00:59:03

Мама, ты помнишь, как собирались вы? Ты помнишь, как вы собирались? Быстро? В Кушнаренково когда собирались. Быстро? В течение какого времени?

00:59:09

Собрались очень быстро. Нет, Ира, в течение [какого времени] я не помню. Помню, что очень быстро, потому что когда уже [были] в Башкирии, говорит: «А чего вы все не распродали вещи-то? У вас ведь денег было бы больше». Вещей было ограниченное количество, но это и сейчас, по-моему, в поезд можно было взять. Но кто-то надоумил, что малой скоростью можно что-то отправить. Мы все туда набросали, малой скоростью туда отправили.

00:59:47

Как посылка, да?

Да, как багаж. Не посылка, а багаж.

00:59:54

А что-то из вещей маме удалось продать перед ссылкой?

Абсолютно ничего! Абсолютно! Не успели. Собраться же надо было. Вот, говорю, шубы-то она собрала с собой. Значит, наше все тоже. Я не видела, как она собирала, видимо она нас отправляла гулять.

01:00:14

А вы можете сказать фразу, что собрать мама ничего не успела?

Это точно.

01:00:19

Вы произнесите, пожалуйста, что мама не успела.

Мама ничего не успела продать, может быть, потому что времени не было, а может быть, потому что она не умела это делать. Это тоже может быть. Я, например, ничего не могу продать, тоже как и купить. Мне кажется: или-или, а может и то и другое вместе. Может не успела, а может не умела, потому что когда приехали в Башкирию, познакомились с этими семьями... это было. Слушайте, это про декабристов, знаете. Это были вторые декабристки! Только декабристкам разрешалось поехать к мужьям. А здесь не то, что поехать, писать даже и то не разрешалось. Но они были очень дружные.

01:01:13

Мама объясняла тебе, почему вы уезжаете? Что случилось? Почему?

01:01:19

Нет, что ты, Ир.

01:01:25

Как Вы воспринимали этот отъезд? Почему вы уезжаете?

А мы часто ездили к папе, очень часто. То в Башкирию, то на Украину, то еще куда нибудь, в командировку. Папа в командировке, если он там летом, хорошие погодные условия, мы ехали туда. Мама не работала. Поэтому то, что мы едем еще куда-то, меня нисколько не беспокоило. И ничего, я не знала куда мы едем.

01:01:54

Скажите, а Вы потом знакомились с делом своего папы? В чем его обвиняли-то, Вашего папу? В чем его обвинили?

Ох, не говорите. Разведчик, посол, по-моему не Латвии, а чуть ли не Германии. Это мы уже узнали, когда я уже замуж вышла, а до этого это был вопрос закрытый.

01:02:30

Нелли Рудольфовна, а можете произнести фразу, что папу обвинили в том, что он английский там, немецкий шпион?

Нет, ну как сказать.

01:02:38

Нет, именно фразу чтобы Вы сказали, что папу обвинили в том, что...

Ну, как назвать-то это слово.

01:02:46

Контрреволюционная деятельность в пользу Германии, Латвии. Папу обвинили в том, что он занимается контрреволюционной...

Да, папу... Считали, что папа занимается шпионажем, вот слово! Шпионажем в пользу Германии и Латвии. Почему Германии — не понятно.

01:03:20

Скажите, вы фиктивно вышли замуж и вернулись в Ленинград, а мама как долго с сестрой в Башкирии оставалась?

А маму еще раз выслали в Башкирии. Выслали ее, слушайте, если не буду врать, в Казахстан. Там оставалась Люся, она была моложе. Я-то старше на 4 года, это довольно срок. И когда Люся кончила 10 классов, уже в Казахстане, то мама решила, что здесь она паспорт получать не будет, и срочно Люсю выслала ко мне. А я уже работала и у меня было полдома, так что я принять ее вполне могла. И Люся приехала ко мне и целый год жила у меня. Кончила 10 классов и сразу же приехала ко мне.

01:04:24

Куда?

В Малодоры, в Архангельскую область.

01:04:30

А Вы жили в Архангельской, то есть Вы не в Ленинграде, а в Архангельской области тогда жили?

В Архангельской области жила.

01:04:36

А как долго мама оставалась в Казахстане?

В Казахстане недолго, но я точно не скажу. Но знаю, что недолго.

01:04:44

А после этого она приехала к вам? Что дальше было с мамой?

А что дальше... нужно подумать. Нет, мама не ко мне приехала. Мама приехала к сестре своей, потом из Казахстана она приехала в Кулой. А там сестра тоже высланная, но она уже там жила свободно. Это насколько мне кажется, это может неточно. Но она приехала в Кулой, и жили они две сестры и мама.

01:05:20

И когда она вернулась в Ленинград? И в связи с чем?

В Ленинград вернулась, когда мой муж Вася возмутился, что нужно поставить точки на место все. Он в Серый дом пошел, потребовал документы. [Тот], который готов нас принять был, сказал: «Вас приму, жену нет. Пусть посидит в коридоре». Вася спрашивает: «Почему?» А тот: «Как почему? Она сейчас устроит нам истерику, а что я бы с ней делал?» Бывали такие случаи. Познакомиться с документами, говорит: «Начнет читать, все: скорую вызывать, поить их. Пусть сидит, а я Вам прочитаю». Просто дал почитать. А потом потребовали, я не помню кто, потребовали копию, может Ира, может Вася, может Володя... не помню я.

01:06:36

И Вы говорите, что Ваш муж пошел туда, чтобы маму вернули, об этом, да?

Чтобы узнать в чем дело, почему ее держат.

01:06:46

А дальше что было?

01:06:50

Почему бабушка вернулась в Ленинград?

Бабушка...

01:06:55 Почему она вернулась?

01:06:57 Ты про бабушку мою или свою?

01:06:59 Твоя мама почему вернулась в Ленинград?

01:07:02 Ну, как почему вернулась? Потому что оттуда выслали, туда надо и возвращаться.

01:07:08 **Скажите, в 1941 году началась война, Вы помните начало войны?**
Конечно.

01:07:14 **Как Вы узнали об этом? Расскажите.**

Прибежала одна из подружек маминых: «Антонина Антоновна, война!» Рано утром по радио, в 6 утра радио включается, и по радио в 6 утра. Как сказать, через улицу она была [Антонина Антоновна]. И они знали, что у нас радио нет, [что]мы не могли знать, прибежала к нам: «Антонина Антоновна, война! Война с Германией». А мама говорит: «Да ладно. С финнами немножко повоевали и...» Она говорит: «Я вам говорю с Германией!» Эта Германия, что она как-то на этом [настаивала], я хорошо помню, что это вам не Финны — эта война скоро не кончится. Ну, и ушла к себе. Мы поняли потом, в газетах начали писать [об этом]. Началась война. Началась война и, по-моему, вы знаете, как-то сразу и голод начался. С прилавков все сметали, купить нечего было. Денег у нас особенно не было. У мамы в Ленинграде где-то была заначка, она через 10 лет тоже взяла. А так... отца не было, и вообще никого не было из родных, только вот тетя еще, то есть моя тетя, а ее родная сестра.

01:08:54 **Когда началась война Вам было 15 лет уже, 15 лет, потом 16. Это было в Башкирии, Вы находились в Башкирии тогда. Вы как-то работали тогда там? Все на фронт работали, а вы чем занимались?**

Мы работали еще до войны. В Башкирии школы запрашивали трудовую силу старшеклассников. Мы с удовольствием ходили, с удовольствием! Во-первых, это жить где-то, спать где-то тоже. Это все, вроде как, не так, как дома. Но обязательно учитель еще. И у нас был Федор Иванович учитель еще, который ушел на фронт и сразу же погиб. Мы очень плакали о нем. Вот, мы, значит, легли спать на улице. Башкирия — она теплая страна. Вот ляжем, все глаза в небо, и он нам показывает: вот это такая звезда, вот эта скопление звезд. А преподавал математику. Может, он просто сам интересовался. Нам тоже было интересно, что улететь бы туда, поскольку плохо нам на Земле. А он говорит: «Когда-нибудь, дружок, полетят люди туда».

01:10:32 **Чем занимались-то вы?**

В колхозе чем занимались?

01:10:35 **Нет, а Вы кем работали? Работали еще до войны кем?**

А вы знаете, даже работала воспитателем. Я училась в школе, почему-то меня, я говорю, как я читала: тра-та-та-та тра-та-та. И учителя, когда в младших классах, называли учитель в младших классах, посылали меня. Проведешь урок, вот тебе сказка, вот тебе, значит, тема, давай. Дети с удовольствием меня слушали, но, знаете, дети не такие были, как сейчас. Пришел учитель, хотя этому учителю даже 18 не исполнилось, но слушали. Читать я умела, старалась выразительно — все с удовольствием слушали. Тут я уже начала деятельность общественную. Потом открыли детдом, собирались открыть, потому что много было

беспорядочных. И почему-то именно Кушнаренко выбрали для того, чтобы тут открыть детдом для беспорядочных. Но нужно было его подготовить. Здание выделили, а там надо же детям. Но помогла Америка еще почему-то, что оттуда кормил детей американский второй фронт, слышали, наверное: шоколад, яичный порошок, все такое. Сами эти присылали в этот детдом. Но надо было поставить кровати, завезли их. На эти кровати постелить, я не знаю, матрасики на кровати, и пошить самим простынки и наволочки. Пододеяльники мы не шили, вторая простынка считалась пододеяльником. Вот это надо было сделать. И нас, я помню, даже Кондратьева Валя, она об этом как-то узнала, она говорит: «Давай поработаем там». Я говорю: «Давай». И вот мы и учились и там работали. Наконец стали к нам поступать дети. Дети разных абсолютно национальностей и возрастов. И один был мальчишка маленький, и у него, по-моему, болезнь была. Знаете, когда вот человека крутят, вертят, что-то такое. Нам всегда жалко было очень. И для него была высокая кровать. Он маленький был. Вообще не ходил, наверное. А может, по болезни не ходил, не знаю. И нам, значит, [говорят]: «Девочки, вот такое задание. Это подобранные дети, то есть дети, где-то потерявшиеся, брошенные, оставшиеся без родителей. Постарайтесь узнать о родителях как можно больше. Разговаривайте с детьми». И вот один мальчик, видно было же, вернее, он знал, что он москвич. Он считал, что у него папа военный. Ну, это мы потом узнали тоже, но фамилии не знал, адреса не знал. Не учили тогда детей этому. Правда, он еще в школу не ходил. Такого детсадовского возраста был. Ну, уже развитый мальчик. Долго мы его так, но так и не узнали. Ну, потом я уехала, не знаю, нашел он своих или нет. Ну, у всех абсолютно детей спрашивали: чем мама занималась, чем папа занимался. Как звали маму, папу — знали все. Ну, может, маленькие там не знали, а так знали все. Фамилию никто не знал, то ли после бомбёжки какой-то, но ни одного не было, чтобы знал фамилию.

01:15:18

А Вы в колхозе тоже работали? Что Вы делали?

В колхозе? В колхозе мы работали от школы. Что делали? Слушайте, вы спросите, чего я не делала. Я, скорее, на тракторе не сидела, не пахала. А за плугом стояла, молотила, даже цепями, это вообще древнее такое, но это ради интереса. Это не потому, что надо было, а ради интереса, это по очереди, это свой урожай цепями. А так тоже молотила. Ну, молотила как? Подносила снопы, это надо было сунуть туда, в молотилку этот сноп, чтобы луки остались целыми., подвозила снопы, как сказать, завязывала снопы. Эту вот веревочку крутила, потом раз, и ставила по всему полю. Ну, что еще? Собственно, что там еще...

01:16:28

1945 год — война закончилась. Вы помните, как Вы узнали об окончании войны?

Как я узнала? Вы знаете, что-то не очень помню.

01:16:38

А как праздновали там или отмечали? Ну... Что говорили?

Вы знаете, видимо, праздновать начали давно. Когда уже ждали вот-вот, вот-вот, вот-вот. И, видимо, когда уже объявили, объявили, по-моему, не сразу, а через день, через два только у нас.

01:17:01

О чем объявили?

О том, что война кончилась. Ну, конечно, как сказать, радовались мы еще до этого. Радоваться успели, нарадоваться до окончания войны. Все ждали, что вот-вот-вот кончится все. Все считали себя свободными почти.

01:17:26

Скажите, Вы говорили, что когда папа ездил в командировку, вы тоже к нему ездили. И вот в эту Башкирию вы, ну, как очередная поездка. Но вы, наверное, спрашивали у мамы, а когда домой-то? В Ленинград.

Как подождите..

01:17:39

Вы, когда в Башкирии были, вы как-то интересовались у мамы? А домой...

Нет, нет, нет, я говорю, что у нас было так принято: лишних вопросов родителям не задавать, и

мы не задавали. Надо будет, поедет, а не надо будет — тут жить. А в Ленинград это Вася уже хотел, а получилось так, что Вася-то все сделал, а Люси брат, Володька, захватили квартиру и с мамой жили. А мы уехали на Дальний Восток.

01:18:15

А вот когда кончилась война, наверное, у Вас было ощущение, что... Было ли, вернее, ощущение, что что-то изменится в жизни? Что-то там, может быть, папа найдется?

Нет, нет, нет, нет. Уже нам лишь бы покушать было. Кончилась война, значит, между прочим, самый голодный год — это был первый год после войны. Самый голодный! Люди умирали с голоду, уже некому было собирать. Я рассказывала многим, что хлеб остался под снегом. Вовремя к ученикам, может, не обратились, не знаю, но остался под снегом. А не дай бог тогда можно было, как сказать, колосочек украсть. Ну, не украсть, а на кашу нам насобирать. И поэтому никому не разрешалось, знали, что не уберут, что вот-вот снег выпадет. Вот так ушел под снегом. Когда снег растаял, пожалуйста, берите. Теперь уже все, не надо. Начали собирать вот эти колосочки, которые под снегом пролежали. Оказывается, они уже были заражены. Я вам сейчас скажу даже название. Ой, вы знаете, забыла, что-то с горлом связанное. А мама тогда работала в гостинице, как она говорила: и швец, и жнец, и на дуде игрец, то есть она одна была там и за уборщицу, и за всех. И к нам приехала московская комиссия, узнать: в чем дело, почему так много смертей в маленьких деревушках. Какие-то ученые, поэтому мы были в курсе всего этого. Так, остальные навряд ли знали, а эти нам рассказывали, что, оказывается, нельзя было брать эти колосочки. И тогда, я когда поехала учиться, мама сказала, что ни в коем случае, с голоду умирай, но на базаре хлеб не покупай, потому что с голоду умрешь, не умрешь, а от этого точно умрешь. Вот так умирали. Ну, я не могу сказать, что все, но почти все деревни умирали. Это в основном такие, где жили татары, башкиры. Видимо, они там жили похуже. Это был тоже тревожный знак. Ну, как это? В деревне сразу как эпидемия какая-то пошла. Ну все, не все, но большинство умирают люди, от чего неизвестно. Вызвали комиссию из Москвы.

01:21:12

Мама, по поводу папы. Ты как думала, что он вернется или что он умер? У тебя были какие-то мысли после войны?

01:21:22

Все время. Никто из нас не считал, что он не вернется, никто, все ждали до конца. И когда получили уже, это уже поздно было. Да, вот еще. Когда еще нас не забирали, а отца забрали, это не у одной семьи. В Ленинграде очень многие пострадали от этого. Кто предлагал, не знаю. Но я помню, что у меня тоже такой стоял вопрос. Значит, кто-то его задал, раз я должна была думать, что откажитесь от отца, то есть, ну, не считайте его своим отцом. Ни я, ни мама даже не думали об этом. Ну, как это, мы знали, что отец ни при чем! Взять и отказаться от отца, который ни в чем не виноват. Видимо, мама это внушила уже. Были, которые отказывались — их не высылали. Вот такой ценой можно было заработать себе. Остались бы в Ленинграде. А те, кто остались, а потом-то голод в Ленинграде был. Так что, что лучше, не знаю.

01:22:44

Потом блокада была. В 1953 году умер Сталин. Вы помните, как Вы об этом узнали, где Вы были?

Помню. Это я в воинской части была. Вывели всех солдат, построили, почему-то, каким-то каре. А мы, женщины, жены, стояли отдельно. Ну, видели вот. И, ну, как сказать, что там читали, мы не слышали. Как назвать это? Они верили, что Сталин умер, и что ушел такой человек. Ну, понятно. Были солдаты, которые плакали, но ни один офицер не плакал, ни один. А женщины тоже плакали. Я тоже не плакала. Мне, конечно, было тоже жалко, но я считала, что он умер, и умер. Он мне незнаком, чего я буду плакать о незнакомом человеке. Ну, жалко было, очень жалко было.

01:24:01

А что Вы в военной части делали? У вас муж служил или что?

Что?

01:24:04

А в военной части Вы что делали? Вы там работали и кем? Или муж ваш служил в военной части?

Нет, муж у меня был военным до конца жизни. Вот не помню этого поселочка, не помню. Как оно называлось? Он же во многих был.

01:24:22

На Дальнем Востоке это было, да?

На Дальнем Востоке. Он был топограф, где-то здесь топограф. А топограф что? Снял для карты эти самые точки, отправил, тебе дали другой участок. Опять там снял, опять отправил в Ленинград, на картфабрику — там уже делали карты. Или геодезист: построил вышку или сигнальчик. Вышка должна быть обязательно выше, если в лесу, любого дерева, чтобы с этой вышки была видна следующая вышка. Одна и вторая. Такие треугольнички.

01:25:06

Ваша мама как относилась... в 1953 году она была в другом месте, вы не знаете, но тем не менее, как Ваша мама относилась к Сталину?

К Сталину? А вы знаете, не отрицательно. Нет, она никогда не считала его виновным, никогда. И не только она, и я вам скажу, все вот эти вот женщины, которые в Башкирии были, они тоже считали, что Сталин тут ни при чем. Берия там еще был. С этим Берией моя подружка Нина Путрайн, они отдыхали когда-то, еще до войны в Крыму. И оказались рядом с семьей Берия, а ее мама еще была молодая тоже, и там Берия. Ну, как-то две молодые семьи подружились и поддерживали [связь] потом. Просто подружились тут и разъехались. И когда у Путрайн родилась девочка, она решила назвать ее в честь жены Берия. А жену Берия звали?

01:26:28

Нина.

Нет, Нино, Нино. Вот она и решила, значит, у меня тоже будет Нино. Когда записывают: «А что за Нино?» А, просто же, крючочек сделала и получилась Нина. Он говорит: «Так ты стала Ниной. А вообще-то, говорит, ты Нино». А Нина не любила свое имя, и потом добивалась, так, Господи, и добилась вот такой. Так вот, она писала Берии, что мы вот с вами знакомы были, что вот то-то, то-то, то-то. Ну, в общем, ни один раз. В Москву [для] Берия, в Москву [для] Берия. Это Нинина мама [писала], ответа ни одного не получила, и так 10 лет там прожила. То есть, высылали на 10 лет без права переписки. Вот так было. На 10 лет без права переписки. Это формула была, где я читала её или не знаю, что там.

01:27:32

То есть Вы не имели права переписываться?

Нет.

01:27:36

И Вы ни с кем не переписывались, да?

Ну, как с кем, с отцом имеется в виду.

01:27:40

А, с отцом, да, это отца на 10 лет без права...

Касалось только отца. Нет, почему, наоборот, мы переписывались с Ленинградом. Я рассказываю, этот Коля, соседка наша бывшая, очень хорошие люди, сами они где-то вот из-под Гатчины. Он тоже работал на железной дороге, его тоже привели в Ленинград.

01:28:01

Нелли Рудольфовна, а когда папу забрали, вы оказались в Башкирии, вы как-то это связывали со Сталиным, с режимом? Кого вы обвиняли в этом? Папа же не виноват, значит, кто-то виноват.

Слушайте, мы никого не обвиняли. Я никого не обвиняла. Я точно так считала, что это ошибка. И все. Это ошибка, а раз ошибка, значит, разберутся. Там люди умные, разберутся, и папа вернется. И ждали мы очень долго, очень долго. Между прочим, вот это так уже, как

говорится, может, не для печати, что каждый из этих женщин, они были очень симпатичные, очень умные, каждый из них в Кушнареново обязательно кто-то сватался. К моей маме сватался муж, у которого мы жили, а у него жена умерла раньше, и он пришел, значит, что вы жену знаете, вот детей знаете, пожелать. Он пришел свататься со сватами. Мама, конечно, говорит: «Что вы, я же замужем». А второй раз сватался с Москвы, когда приехала комиссия. Ну, видимо, мама рассказала, может, они как-то узнали, я не знаю. Говорит: «Знаете что? Вот что вам тут, у нас есть должность человека, ухаживающего за подопытными животными». По-моему, там только крысы были. Вот, говорит: «Мы можем вас туда устроить и тоже дать квартиру». И он ей предложение сделал. Говорит: «Если хотите, я...» Ну, я не знаю, как это было, но он ей предложение делал. Вернее, сначала предложение делал, а потом уже, что если не хотите, значит, за меня выходить, то просто переезжайте в Москву. [Говорит]: «Что вам тут делать в этом Кушнареново?» Мама, конечно, нет, не согласилась. Почему [не согласилась], я не знаю, хотя могла бы [согласиться]. Я бы уже москвичкой была.

01:30:21

Нелли Рудольфовна, а умер Сталин в 1953 году. В 1956 году вышел доклад Хрущева о преодолении культа личности. Вот этот известный доклад Хрущева. Вы помните об этом?

Да, помню я.

01:30:33

Как Вы узнали? А Ваша реакция? Расскажите об этом.

Ну, как сказать? Не знаю, я считаю, что тоже что-то... Уже мы ничему не верили, вот так можно сказать, что там тоже чего-то напутали.

01:30:46

Там это где?

В газетах.

01:30:49

Доклад Хрущева, Вы просто скажите.

Ну да. Не может быть, что Сталин во всем виноват. Что он допустил вот, что по себе только говорили, фактически. Ставили памятники, в каждом городе был памятник Сталину. В каждом городе был проспект Сталина. Это что? Он что ли просил? Нет. Мы считали, что возносили его те, кто сам хотел возвыситься. Вот такое у нас было понимание. А потом, когда хотели убрать с мавзолея Ленина, Сталина быстро убрали. Я, между прочим, была в Мавзолее, когда там Сталин лежал. Случайно получилось, мы зашли, а потом Сталина перезахоронили, а я считаю, что напрасно. Оба умные личности, оба что-то сделали для России. Ведь, фактически, мы все верили, что, если бы не Сталин, мы могли не победить. Ну, собственно, это я и мое окружение. Я неправильно сказала, что все, может кто-то иначе думает. Но мы считали, что Сталин так повел дело, вот эта его жестокость, что ни шагу назад, что тот, кто бежит с фронта — стрелять в спину. Было такое? Было. Силой заставляя защищать родину. Мы считали, что это правильно. Ты мужчина — ты должен защищать свою родину. А какими путями? Это уже твое дело.

01:32:57

Ваше отношение к Сталину, оно стало как-то меняться потом?

Нет.

01:32:03

А как Вы сейчас к нему относитесь?

А я так и отношусь: очень умный человек, очень умный. Ну, как говорится, возвысили его. Так у нас много таких же желающих, как говорится, за счет другого быть на виду. Нет, никак не изменилось у меня [отношение] абсолютно. Я фотографии, недавно, между прочим, где-то видела. Какая умная личность, именно умная, чего не скажешь [о тех, кто] после него. Сейчас вот еще Путин, тоже умная личность.

01:33:48

Вы сейчас говорили об умной личности Сталина. Вы когда увидели в Мавзолее, вот какое на Вас впечатление произвел Сталин?

А в Мавзолее-то? Как сказать? Тут лежат два мертвых человека. Ну, вроде как. И я тоже видела его живым вот так. Все же хотели увидеть Сталина живьем, все, вот я увидела живьем, но в мавзолее. Я, конечно, была возмущена. Ну, это мое личное мнение. Когда его перевели, перенесли, закопали рядом. Для чего это? Для чего? Мавзолеей есть. Много он сделал для России, много. Ну, много — это что? Он победил непобедимую немецкую армию, ведь, возьмите, никто так не... все, вроде как, сдавались. С Польши первый начал?

01:34:58

С Польши.

1 сентября, по-моему, эти сразу знали все, ведь никто из людей не пошел сразу бороться до конца жизни, кроме русских. Потому что Сталин так воспитал нас, что мы должны будем защищать свою страну.

01:35:25

А ваше отношение к Хрущеву?

Не хочу разговаривать.

01:35:29

Скажите, а вот то, что случилось с Вашим папой, Вы это как-то связываете с системой? С советской системой? Что она виновата, что была подозрительность такая? Полным ответом скажите, пожалуйста.

Да, это система, конечно. Что-то тут не так было. Я дружила со всеми детьми этих высланных: Нина, Икар, Феликс. Все они любили своих отцов. И все они говорили, что это были замечательные люди. И, почему-то, я вот именно так и осталась до сих пор, что брали их только потому, что они замечательные, только поэтому. А плохих, а с плохими, как сказать, справиться легче. Ведь брал-то не Сталин, не Сталин. Брали те, кто на местах, а на местах они знали, они знали, что отец мой трудолюбив, отец мой за родину жизнь отдаст, знали прекрасно. Недавно анекдот прочитала: на заводе директор говорит: «Найди мне самого умного человека, самого умного». Тот, значит, поискал, нашел: «А теперь его расстреляй». Вот, как говорится, такого типа. Я так считаю, это мое личное мнение. А мнение вот этих самых детей, высланных женщин, тоже такое, что Сталин ни при чем. Он не знал даже, что именно так поступают.

01:37:38

Но его подпись, Сталина, есть под несколькими сотнями списков на расстрел.

А подпись нельзя подделать?

01:37:48

Хорошо, Нелли Рудольфовна, не-не, я с Вами не спорю. Я сюда пришел не спорить, упаси боже, я с Вами соглашаюсь. Скажите, а все-таки, если подвести, а кто конкретно виноват, что Вашего папу расстреляли?

Ну, вот, мы считали Берия.

01:38:01

А Вы полным ответом можете, что мы считали, что Берия виноват в смерти отца?

Это не только мы, это все наши высланные считали, что виноват Берия. И вот даже эта Нинина мама, когда не получила от Берия ответа, хотя они дружили там все лето, она точно сказала, что это он виноват. Иначе он бы обязательно ответил, мы же в хороших отношениях были. Она тоже считала, что виноват Берия. Вот у него такой был, я не знаю, не характер как-то.

01:38:34

Мама Ваша так же считала, да?

Думаю, что так же. Не спрашивала я.

01:38:42

Нелли Рудольфовна, скажите, Вы когда-то в жизни сталкивались ли с какой-то дискриминацией, что Вы дочь врага народа? Вам это мешало?

Мешало.

01:38:53

Расскажите случай, когда Вам это вставили.

Как случай? Во-первых, где-то я недавно была, чтобы поступить в высшее учебное заведение, нужно было, как говорится, заполнить такую [анкету]. Там была графа: не была ли репрессирована? Ну, немножко не так. Ну, факт тоже, были такие несколько, то есть, что ты чист, как стёклышко, то есть, у тебя все родственники чистенькие, сам ты тоже. Я хотела, даже не собиралась в педагогическое, я собиралась в институт авиастроения. Почему, не знаю. Вернее, нет, знаю, потому что к нам приезжал студент, и так он расписал нам это, что все десятиклассники были только туда. Ну, в общем, я собиралась туда. Поэтому уже дальше, дальше я и не пыталась. Один раз мне сказали, что в этот институт не примем, а в другой я не буду. А получилось так, что когда я не работала, а подрабатывала еще ученицей, про него знали. Про отца, видимо, они не знали, не знаю. Но когда пришло у них, наряд, что ли, пришел, что нужно 3-4 человека в этот самый, потому что не хватает учителей на курсы, девятимесячные курсы. И не предложили, нет, а направили сразу. Меня и еще кого-то, но я ее сейчас не помню, видимо, я ее плохо знала, девочку. И вот я окончила сначала девятимесячные курсы, и стала преподавать, помните, что мне дали третий класс, хотя право имела на седьмой класс. А потом на третий класс нашелся преподаватель, меня перевели уже в семилетку. И я стала преподавать русский и литературу в семилетке. Но я же хотела тоже все-таки иметь высшее образование. Поступила как-то. Или тоже, может, кто-то помог из района, не знаю. Но с женщинами лучше не связываться. Вышла замуж. Всё, накрылось.

01:41:58

Ну, Вы так преподавателем и работали потом, да?

Да, всё время. Всю жизнь, всю жизнь, не всё время, а всю жизнь! Вот скажут, у меня тут даже было две ученицы. Нет, один ученик. В четвертом классе, ну да, в четвертом классе пришла ко мне мамаша: «Ой, Кирилла собираются отправить в класс недоразвитых». Ну, я не знала еще Кирилла. Я говорю: «Приводи его мне, я посмотрю, что за недоразвитый». И так стали подтягивать его, еще немножко осталось до конца. Что надо, ну допустим, месяц-два подтянуть, чтобы он сдал экзамены и пошел в нормальный пятый класс. Вы знаете, мы его так заинтересовали! А мама любила математику. Я — русский, а мама говорит: «Ой, а я буду математику». Так сейчас ему уже в армию надо будет идти.

01:43:06

А Вы русский язык преподавали, да? А Вы преподавали какой предмет?

Много преподавала. Преподавала русский, преподавала литературу, преподавала рисование, преподавала черчение, преподавала конституцию, такое даже было еще. Программы специальной не было, РОНО как-то там от руки что-то такое написало.

01:43:38

Скажите про авиационный институт, Вы туда все-таки поступали или нет? Я не понял.

Нет, по-моему, мне даже отказали просто туда. Я же говорю, как эту [графу] заполнила...

01:43:51

А Вы еще когда-то сталкивались с тем, что Вы дочь врага народа? Когда-то еще в каких-то ситуациях?

Слушайте, в Башкирии не помню, там очень доброжелательный народ. Слушайте, мне так башкиры нравятся, очень доброжелательные, но там еще и татары есть. Ну, татары, поскольку они тоже в чужой стране, у меня как-то мало было среди татар друзей. Вот, по-моему, только Риф Ахмедзянов, а так все башкиры были. Очень хорошие люди.

01:44:35

А потом Вы общались с кем-то из, вы говорите, у Вас там было несколько семей, дети были, чьи отцы тоже были репрессированы. Потом, когда Вы уехали, Вы с ними связь поддерживали?

Поддерживала все время. Антонина Андреевна, нет, нет, Валерия. К Валерии мы даже в Ленинграде, когда уже все кончилось в Ленинграде, в гости приезжали. Она на Староневском жила. Поддерживали все: мы знали, кто, где. Все выехали из Башкирии, конечно. Нет, одна осталась. Одна, это была тетя Маруся, не помню ее фамилии. Она вышла замуж за владельца дома. Жена умерла, ей захотелось побыть хозяйкой дом, но она первая умерла, как-то быстро, поэтому я не знаю.

01:45:35

Нелли Рудольфовна, а в каком году Вы узнали, собственно, о судьбе Вашего папы, что он все-таки был расстрелян? И как мама, что сказала, как она отреагировала на это? Что уже можно не ждать больше?

А я не знаю даже. Наверное, сразу.

01:45:55

А в каком году?

Но я же говорю, сначала поступило свидетельство о рождении, что отец умер в 1940-х годах, и даже диагноз.

01:46:08

1959 год, мам.

01:46:10

1959-й, да?

А вот когда, что расстрелян...

01:46:22

Скажите, а мама Ваша сколько прожила? Сколько лет ей было, когда она умерла? И когда она умерла, Ваша мама?

Мама много прожила, 82 года, по-моему.

01:46:32

В 1986 году, да, она умерла?

Наверное, я уже не помню.

01:46:46

Я хотел Вас спросить, Вы знаете, все равно эти репрессии, они были массовыми, к сожалению, было огромное количество лагерей.

Еще потом, в 1940-х годах, и говорят, этих же самых тоже коснулся.

01:47:02

По второму кругу?

Да.

01:47:06

Германия осудила нацизм, был Нюрнбергский процесс, там тоже забирали, сажали, расстреливали. Как вам кажется, в России должен быть какой-то подобный Нюрнбергский процесс, который осудит тех, кто уничтожал своих соотечественников?

А чего их осуждать? Их-то уже нет. Я считаю, что это бесполезно. Это бесполезно. Осуждать надо было раньше, а сейчас каждый храбрый. А раньше боялись. Осудили, может быть, где-то на кухне, а так боялись. Боялись, потому что дойдет до них, значит, они будут там же. Люди, в общем, боялись, говорить боялись о политике вообще. Я сейчас думаю... о, что там на кухне? Там прямо вот в очереди первое место политика занимает, а раньше нет. Раньше боялись люди просто говорить, по-настоящему боялись. И не напрасно, конечно. Хотя вот, чтобы отец о

политике — никогда не говорил. Но о том, как он настроен к советской власти, это у него было же. Он восхищался всегда. Почему он остался? Потому что Латвию не сравнить было с Россией, он так считал. А еще солдат был у нас. Я была замужем, когда западная Украина присоединилась к нам. В каком году?

01:48:50

Я тоже не помню. В 1939 году.

Но не важно. Факт в том, что один из [солдат] — Хельманович, был такой. Он был поляк. И когда присоединилась, его сразу забрали в армию. Он оказался у нас. Я вообще с каждым солдатом всегда выпытывала: что, как, советы давала, что кончишь срок, поступай обязательно в школу, учить в школу, в институт какой-нибудь, в техникум. Учись, учись, учись. Как учись, мне, может, не о чем было говорить. И этот Хельманович, он говорит, когда я, граница где-то с Румынией. Ну, Хельманович тоже, потому что больше Румыния. Он оказался в Советском Союзе. То есть, эта часть, он говорит: «Господи, как люди не знают, в какой замечательной стране они живут». Это он мне лично говорил. Он хотел тоже учиться, но бывают такие, что хочет все узнать. Отец его отдал учиться сапожнику, платил за это. А сапожник близко не подпускал его к своей профессии, не дай Бог научиться — это конкуренция. Он решил сам научиться. Он говорит: «Я убираю там чего-нибудь, а сам, одним глазом смотрю, что он сейчас делает. Весь процесс я усвоил, что вот надо сначала сделать колодку, на которую натягиваешь сапог, потом прибываешь подошву, потом каблук, потом вытаскиваешь деревяшку, и сапог готов». Он решил, я сделаю сам. Сделал колодку, натянул, в общем, сапог готов. А вытащить колодку не может. Оказывается, не додумавшись, что колодка состоит из трех частей, чтобы вытаскивать по одной части. Так он что сделал? Уже, говорит, что же я теперь буду? Уже сапог готов — выжигал. Я представляю, как он, говорит, выжигал, говорит, понемножку. Ну, сначала, говорит, что спустил, сколько можно было, отпилил, а потом потихонечку выжигал. А потом сообразил, стал сапожником. Говорит: «Уже в армии отслужу. Сапожником я уже стал, а обязательно пойду к техникам учиться». Я говорю: «Конечно». Потому что солдатам там какие-то льготы были при приеме в учебное заведение.

01:51:51

Ну, да. Скажите, Ваш папа состоял в парии? Он был чиновником?

Слушайте... При мне нет. А вообще, был разговор такой, что он, вроде как, это мама рассказывала, заболел, а там нужно взносы же платить партийные. У него была досада, что ли. Вроде, его исключили из-за болезни из партии. Вот такое было. Из-за болезни, то есть за неуплату взносов. Он больше не поступал, при мне он был беспартийным. А муж, а вернее его друг, Юлий Феликсович, тот все время был партийный, но занимал всегда высокие должности. А отец, нет, отец рядовым все время был.

01:52:47

А судьба Юлия Феликсовича, его не коснулись репрессии дальше?

Ой, слушайте, вот я уже Иру просила, она говорит, нет. Пошел слух, что Юлий [Фрицевич] вернулся из мест не столь отдаленных и работает каким-то начальником, потому что он был в составе комиссии на заводе, на часовом заводе в Петергофе или в Ленинграде, я точно не знаю. И там, значит, женщина его узнала. Узнала, говорит, и окликнула: «Юлий [Феликсович], это вы?» Она знала, что он вернулся. Он, говорит, повернулся: «Здравствуйте» — и прошел. Тетя Нюра, жена, не поверила, говорит, нет. А вы знаете, а я верю, потому что тетя Нюра вот так его держала. Вряд ли бы он вернулся. Это вот мое такое личное узенькое-узенькое мнение.

01:53:53

А когда его забрали? Вот Вашего папу в 1937-м, а Юлия Феликсовича когда?

А все в одно время почти. Все в одно.

01:54:00

А Вы можете произнести эту фразу, что Юлия Феликсовича забрали вместе в одно и то же время?

Нет, не вместе.

01:54:07

В одно и то же время.

Подожди, а где ж они жили-то? В Петергофе.

01:54:16

Ну, произнести, что Юлия Феликсовича забрали из Петергофа.

Вот, по-моему, последним из троих этих... Владимир, Юлий, Рудольф, последним, вроде, забрали папу. Сначала тех двоих, это родственники все, а последним забрали папу, потому что про Юлиа Феликсовича я сейчас точно не знаю, а что дядя Володя, раз пришла жена одна провожать, значит, он уже был забранный. А Юлиа [Фрицевича], это Новый же год, он достал билет своей дочери в Ленинград на ёлку. Они приехали, провели ёлку, возвращаются, у них опечатана дверь, то есть его забрали, опечатали и увезли. Такое время тоже. Тоже что-то около Нового года. Может, это после Нового года они уже на елке были. Этого я не знаю. Ну, в этих пределах. И, конечно, тетя Нюра сразу же сообщила нам. Лиля больше помнит, чем я.

01:55:56

Нелли Рудольфовна, а скажите, пожалуйста, перечислите, пожалуйста, кто из мужчин Вашей семьи был репрессирован? Перечислите, пожалуйста.

Из нашей семьи... Так, наша семья, это, собственно, три, две сестры и брат — репрессированы были все. Тетя Аделя, жена маминого брата, была отправлена на Урал. Что-то, мне кажется, что город Киров, есть там такой? Ну, в общем, вроде как, город Киров. Она туда была сослана вместе с дочкой, но она вскоре умерла, и ее дочка приехала к тете своей, тоже репрессированной. Она вскоре поступила учиться, и так потом с нами не общалась. Просто считала, что это опасно. Видимо, она, как-то, в общем, избежала этого. Лилия, мамина сестры дочь, вот тут еще жила она в Гатчине, не так давно умерла.

01:57:34

А скажите, а кто из вашей семьи был расстрелян? Перечислите, пожалуйста.

А как я могу сказать? Это то, что считают.

01:57:48

Но кто погиб тогда?

01:57:50

Кого в тюрьму отправили и потом расстреляли? Перечисли, пожалуйста, мам.

Дядя Володя, Владимир Антонович, это мамин родной брат. Семью выставили.

01:58:10

А его?

А его расстреляли. Считалось так. А когда тетя Нюра об этом узнала, я не знаю, но я говорю, почему ты веришь... Потом, значит, второй, это... Юлий Феликсович — это муж маминой сестры, его тоже забрали, тоже расстреляли. Ну, и Рудольф Карлович, мой отец, его тоже забрали и тоже расстреляли, но быстро расстреляли. Тех я не знаю, сразу или нет, но отца быстро, потому что в мае мы уже были... Вернее, в мае мы уже приехали в Башкирию. А в декабре его забрали. Чтобы в мае мы уже были... Вернее, в мае мы уже приехали в Башкирию, а в декабре его забрали. Верить документам этим, я считаю, что это ерунда. Вот сказать, что такого-то числа расстреляли. Я говорю, что у меня есть свидетельство, что отец умер в каких-то 1950 годах от болезни, даже болезнь названная. Это же ерунда была. Так может быть и там тоже неверно, может еще раньше расстреляли, чем...